

правда, всѣхъ, но зато, — болѣе всѣхъ дѣлаетъ душу и опытною. Если бѣгать или обходить борьбу, то умъ становится неопытнымъ, робкимъ и легко обращающимся въ бѣгство.

12. Говорилъ Авеа Евагрій: монахъ такъ долженъ быть настроенъ въ себѣ,

какъ бы завтра имѣлъ онъ умереть; и такъ опять поступать съ тѣломъ своимъ, какъ бы имѣлъ жить многія лѣта. Ибо то, пресѣкаетъ помыслы унынія, и дѣлаетъ монаха ревностнѣйшимъ; а, это здоровымъ хранить тѣло и заставляетъ наблюдать всегда равное воздержаніе.

Памъ необходимо собрать 65.000 франковъ.

Христіанство, какъ рожденіе новой жизни въ душѣ и какъ трудничество во имя Христова.

Христіанство въ каждой личной жизни православнаго христіанина, можетъ осуществиться, во первыхъ, какъ рожденіе нозой жизни въ душѣ, и во вторыхъ, какъ трудничество во имя Христова. Разсмотримъ въ чемъ состоитъ то и другое.

Христіанство, какъ рожденіе новой жизни въ душѣ, есть одновременно и радостная и страшная вещь. Оно радостно и страшно по тому дѣйствию, которое оно должно производить и производить на человѣческую душу.

«Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы Онъ уже возгорѣлся», говоритъ Господь Иисусъ Христосъ. *«Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ на землю? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе»*. Христіанство не терпитъ безразличія и равнодушія. Оно ломаетъ внутренній миръ человѣка, волнуетъ до глубины существа, даетъ человѣку новое содержаніе, нозое отношеніе къ жизни, нозой смыслъ жизни, нозой образъ жизни. Его дѣйствіе на душу подобно тому, какъ весною на рѣкѣ поднимается и ломается ледъ, съ шумомъ и трескомъ разбиваются льдины, оживаетъ пробудившаяся природа, бурно начинается новая молодая жизнь. Такая же весна происходитъ въ человѣческой душѣ, когда въ ней рождается христіанская жизнь, когда ломается сковывающій душу ледъ безразличія. Но скажутъ,

кто это испытаетъ? Да, къ сожалѣнію, мы этого не испытываемъ. Мы носимъ имя христіанъ, исполняемъ обряды Христіанства, говоримъ и даже споримъ о Христіанствѣ, но душа остается безучастной и скованной льдомъ. Она живетъ иными интересами, не имѣющими ничего общаго съ Христіанствомъ. Не такъ было у первыхъ христіанъ. *«Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ бесѣдовалъ съ нами по пути?» «Вотъ, мы оставили все и послѣдовали за Тобою»*... Сколько внутренней борьбы, сколько радости и тревоги, сколько волненія должны были пережить Апостолы, когда рѣшались отказаться отъ привычнаго образа жизни, отъ своихъ занятій, отъ своихъ семействъ и послѣдовать за своимъ Учителемъ. И не такую же ли внутреннюю борьбу различныхъ чувствъ, и страшную и радостную, пережили св. Варвара, св. Екатерина, св. Евдокія, св. Марія Египетская, св. Алексій, человѣкъ Божій, св. Іустинъ Философъ, блаженный Августинъ и другіе?

Впрочемъ, не только въ первыя времена Христіанства, но и въ наши дни, такой же душевный процессъ переживания и преп. Серафимъ Сароскій, и другіе, кто въ большей или меньшей степени слѣдовалъ его путемъ. Это горѣніе сердца, эта внутренняя ломка, эта перестановка всего внутренняго и внѣшняго уклада

жизни по Евангелію, это ощущение въ себѣ *новаго чловѣка* и является признакомъ рожденія въ нашей душѣ христіанской жизни.

Читая недавно докладъ Г. Г. Кульмана «Западное и восточное Христіанство», какъ онъ изложенъ въ брошюрѣ «Наши новые пути», изданной Русскимъ студенческимъ Союзомъ въ Америкѣ, я съ радостью увидѣлъ, что и Г. Г. Кульманъ отмѣчаетъ въ Христіанствѣ ту же самую сторону, о которой я сейчасъ говорю, и даже болѣе того — онъ считаетъ ее преимущественной особенностью Православія. Прежде всего оно шлетъ намъ, русскимъ, упрекъ: «Русскіе, пишетъ онъ, такъ привыкли къ Православію, что его недостаточно понимаютъ и цѣнятъ, и не отдають ему должнаго»... И затѣмъ продолжаетъ: «Сущность Православія въ *стояніи передъ Богомъ*»), и это есть только въ Православіи. Какъ часто мнѣ приходилось и приходится слышать отъ русскихъ людей слово «Господи, помилуй», а западный протестантизмъ и, въ частности, американскій, совершенно забылъ это «Господи, помилуй», въ которомъ такъ ярко выражается смиреніе передъ силой и величіемъ Всевышняго».

Но что же такое это «стояніе передъ Богомъ», съ покаянною молитвою «Господи, помилуй», какъ не ощущение въ себѣ новой жизни, христіанской, духовной, какъ не освобожденіе отъ духовнаго безразличія, какъ умягченіе сердца, почувствовавшаго живого Бога и смиренно сознавшаго свою нечистоту и грѣховность? Это именно и есть рожденіе христіанской жизни въ душѣ, по слову Спасителя «блаженны нищіе духомъ»... Здѣсь именно и находится корень православнаго, христіанскаго устроенія души, котораго достигали Апостолы, мученики и всѣ православные подвизники...

А то, что въ дальнѣйшихъ своихъ словахъ Г. Г. Кульманъ приписываетъ

*) Курсивъ нашъ С. 4.

исключительно западнымъ христіанамъ, въ дѣйствительности относится и къ намъ, православнымъ, еще не ощутившимъ въ душѣ своей Православія, какъ возникновенія новой жизни. Онъ пишетъ: «На западѣ мы хотимъ дать школы, посылаемъ миссіонеровъ, и мыслимъ распространить и умножить наше движеніе. И наша трагедія въ томъ, что *мы хотимъ много дать, но сами ничего не имѣемъ* *). Мы можемъ дать то, что отъ Бога, а наше чловѣческое никого не интересуетъ. Мы потеряли цѣнное — какъ держать себя передъ Богомъ, и мы забыли не только въ умѣ, но и устами «Господи, помилуй». Въ этихъ словахъ, столь красивыхъ и ясныхъ, заключается великая правда, но не только о западныхъ христіанахъ, о которыхъ судить мы не беремся, но и о насъ, православныхъ, имѣющихъ большую склонность, не пріобрѣтая еще внутренняго стоянія передъ Богомъ, едва только прикоснувшись къ Евангелію, порываться «дать много другимъ, когда сами ничего не имѣемъ». Вѣдь правда же, что не наше личное, чловѣческое, необходимо дать другимъ, а то истинное, Божеское, благодатное, что пробудилось въ душѣ нашей свыше, что составляетъ ея истинное сокровище.

И такъ мы тогда только становимся истинными христіанами, тогда только вступаемъ на путь св. Апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, когда начинаемъ чувствовать въ душѣ своей новую жизнь, когда начинаетъ горѣть наше сердце любовью ко Христу, къ Евангелію, къ Богу, къ ближнимъ. Пока еще нѣтъ этого горѣнія въ нашемъ сердцѣ, пока еще нѣтъ ревности о христіанской, чистой и доброй жизни, мы еще не христіане. Мы еще только говоримъ о Христіанствѣ, можетъ быть, идемъ къ нему, но мы еще далеки отъ Царствія Божія.

Пожелаемъ же, чтобы Новый Годъ ознаменовался для тѣхъ изъ насъ, кто этого не имѣетъ, рожденіемъ въ сердцѣ

христіанской жизни, чтобы въ нашихъ сердцахъ появилась весна, чтобы заплѣли наши сердца радостную пѣснь любви: «Христось воскресе изъ мертвыхъ», и чтобы съ этою пѣснью въ сердцахъ вернулись мы на свою родину, Святую Русь, чтобы праздновать вмѣстѣ съ нею ея свѣтлое воскресеніе во Христѣ.

II.

Не всѣмъ дано переживать радость рожденія въ душѣ новой жизни. Это даръ Божій, который дается не по заслугамъ, но по Промыслу Божию.

Но есть другой видъ личной христіанской жизни, доступный каждому христіанину. Это *трудничество во Имя Христово*. Пусть каждый добросовѣстно спроситъ себя — многое ли онъ дѣлаетъ въ своей жизни *для Христа*, изъ любви ко Христу, во-имя Христово? Мы многое дѣлаемъ для себя, для своей семьи, для своей партіи, можетъ быть, даже для своей родины, для человѣчества, для науки или для искусства и т. д., но не «для Христа».

Связать каждое свое дѣло, каждое намѣреніе съ памятью о Христѣ, освятить его этой памятью, — подчинить его этой памяти, — это и значить — трудиться и жить во имя Христово. Какъ высоко цѣнилъ это трудничество Іисусъ Христось, это видно изъ Его словъ: «И кто напоить васъ чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей» (Мр. IX, 41). Почему же Іисусъ Христось такъ настаиваетъ на томъ, чтобы каждый нашъ трудъ совершался во имя Его, съ памятью о Немъ? Потому что отъ этой памяти о Христѣ и самый трудъ получаетъ свою цѣнность. Всякій трудъ, какъ бы онъ самъ по себѣ ни былъ грязень и скучень, но если онъ совершается нами, какъ «послушаніе» Христу, уже перестаетъ быть для насъ невыносимымъ — онъ не надоѣдаетъ намъ, не

утомляетъ, не раздражаетъ насъ. Трудъ и жизнь, совершаемая во имя Христа, никогда не могутъ стать пошлыми, бессмысленными, безцѣльными. Если это вѣрно по отношенію ко всякому труду, самому скучному, будничному, житейскому труду, состоящему въ удовлетвореніи нашихъ хозяйственныхъ нуждъ, въ приготовленіи пищи, въ стиркѣ бѣлья и т. п., то тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ труду, имѣющему хотя малое отношеніе къ служенію Церкви и Богу. Посмотрите на истинныхъ монастырскихъ послушниковъ и послушницъ, и спросите ихъ, и они скажутъ вамъ, что всякое дѣло, совершаемое ими «за послушаніе», совершается легко и радостно, въ чемъ бы оно ни состояло — нужно ли выносить мусоръ изъ монастырской кухни, чистить ли скотный дворъ, исполнять ли обязанности келейника или келейницы, ходить ли за тяжело-больными, или пѣть на клиросѣ. Только дѣло, совершаемое самовольно, во имя свое, не во имя Христово, утомляетъ, раздражаетъ, надоѣдаетъ, падаетъ, какъ говорится, изъ рукъ. Живая память о Христѣ всегда нравственно дисциплинируетъ, подтягиваетъ человѣка, изгоняетъ изъ его жизни все пошлое, низменное и пустое, предохраняетъ отъ празднаго, бессмысленнаго препровожденія времени, отъ недостойныхъ поступковъ и вносить въ душу миръ, тишину, радость, самообладаніе, бодрость, охоту къ работѣ. То, что мы наблюдаемъ въ монастырѣ, возможно, до извѣстной степени, и въ міру. Епископъ Феофанъ-Затворникъ писалъ одной молодой дѣвушкѣ, что, даже находясь на балу, она можетъ и должна быть внутренно съ Богомъ, а, слѣдовательно, можетъ и должна внутренно бодрствовать.

Трудничество во имя Христа обязываетъ насъ помнить еще и о томъ, что самое незначительное дѣло, совершенное для Христа, самое незначительное усиліе,

направленное къ преодолѣнію своего эгоизма, неизмѣримо цѣннѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и глубокомысленныхъ рѣчей о Христіанствѣ. Наше спасеніе достигается не разговорами, а тѣмъ, чтобы строить свою душу и свою жизнь по образу, указанному Христомъ. Мы всё это хорошо знаемъ, но постоянно забываемъ, главнымъ образомъ, потому что нѣтъ въ насъ достаточной любви къ образу Христову. Но эта любовь есть даръ Божій. Трудничество для Христа, въ чемъ бы оно ни состояло, въ молитвѣ ли, въ преодолѣніи ли своихъ дурныхъ

чертъ, въ служеніи ли ближнимъ, въ терпѣливомъ ли и кроткомъ несеніи своего жизненнаго креста, въ серьезномъ ли отношеніи къ жизни, въ добросовѣстномъ ли исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, — такое трудничество, если и не дастъ само по себѣ нашей душѣ любви ко Христу, во всякомъ случаѣ, подготовитъ ее къ тому, чтобы на нее излился этотъ даръ Божій. «Въ терпѣніи вашемъ спасайте души ваши».

Прот. С. Четвериковъ.

Братислава, Чехія.

Православіе и англиканство.

(II съѣздъ въ St. Albans'ѣ).

(25 дек. — 2 января.)

Въ туманное утро отправилась русская делегація изъ Парижа въ Англію. Мысли невольно возвращались къ прошлогоднему съѣзду, когда мы, послѣ 4 дней совмѣстной молитвы и напряженныхъ трудовъ, достигли взаимнаго пониманія съ англичанами. Что ждетъ насъ на этотъ разъ? Казалось, что этотъ съѣздъ будетъ болѣе труднымъ, т. к. вопросы, поставленные для обсужденія на немъ вызвали въ прошломъ году наибольшія расхожденія, и кромѣ того, мы всё уже успѣли присмотрѣться другъ къ другу и яснѣе стали видѣть наши различія, исчезавшія раньше въ радости и новизнѣ первой встрѣчи.

Такія мысли рождались у многихъ изъ насъ во время пути въ Англію и неожиданно они чуть не превратились въ увѣренность, что вообще этой второй конференціи въ St. Albans'ѣ и совсѣмъ не будетъ. Въ Boulogne — на берегу Падекалэ насъ ждала снѣжная вьюга. Вѣтеръ сбивалъ съ ногъ прохожихъ. Пароходное сообщеніе было прервано на неопредѣленное время. Настроеніе у насъ было такое, что среди делегатовъ

даже начались разговоры о томъ, что м. б. придется намъ возвращаться въ Парижъ. Однако на другое утро отважный капитанъ рѣшился выйти въ море, и послѣ труднаго перехода, съ опозданіемъ на 30 часовъ мы высадились благополучно на англійскій берегъ, занесенный глубокимъ снѣгомъ. Только вечеромъ очутились мы наконецъ въ знакомомъ и уютномъ retreat Haus'ѣ St. Albans'каго собора. И, какъ только мы вошли въ залъ, ощущеніе, что мы вернулись къ своимъ старымъ и любящимъ насъ друзьямъ, охватило насъ всѣхъ. И это чувство спокойствія и увѣренности въ успѣхѣ новаго съѣзда уже ни на минуту не покидало насъ. Въ этомъ году съѣздъ былъ расширенъ и по числу лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе и по количеству времени, даннаго для его работы. Всего собралось около 70 человекъ. Англичане почти исключительно принадлежали къ правому крылу Англиканской Церкви, такъ называемому Англо-Католическому Движенію. Насъ русскихъ было около 20 человекъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа и Лондона.